

Педагогика с большой буквы

Шалва АМОНАШВИЛИ, академик РАО, доктор психологических наук.

— Шалва Александрович, на различных конференциях и встречах педагоги и исследователи говорят о том, что реформы в образовании на местах часто превращаются в псевдопроцесс. В то же время неформальный, глубокий интерес к инноватике не ослабевает. Идут поиски новых путей развития, что побуждает многих деятелей образования, особенно стоящих на позициях гуманистической педагогики, акцентировать своё внимание на его культурных компонентах. Как вы оцениваете эту тягу учителей к культурному содержанию образования? Как бы вы охарактеризовали связь его культурных норм и ценностей?

— Я начну с размышления о самой педагогике, о том, как она видит и принимает ребёнка. Прежней педагогике не был свойствен философский взгляд на ребёнка. Исключительное значение придавалось среде воспитания, но КТО ЕСТЬ САМ РЕБЁНОК — такой вопрос по-настоящему глубоко не ставился и не решался. Сущности искали в психологии, ответы формулировали на основе того, ЧТО НАМ, ПЕДАГОГАМ, НУЖНО, и эти нужные нам самим личностные качества определяли исходя из целей образования, А НЕ РЕБЁНКА.

Ещё Лев Толстой заметил, что учитель должен строить свою деятельность исходя из запросов ребёнка. Надо так учить, чтобы детям было легко, а педагогу — трудно, а не наоборот. Таков Закон Педагогики.

Вообще педагогика — это не особая наука, а общечеловеческая форма мышления, педагогические же идеи и наработки — это конкретные технологии, которыми пользуются не только педагоги. Ведь вне педагогики не существует ни один человек. В основе педагогической деятельности изначально лежит родительский инстинкт, однако БЫТЬ ПЕДАГОГОМ — ДАР БОЖИЙ.

Педагогика имеет свой аксиоматический фундамент, т.е. совокупность ценностей, которые принимаются каждым педагогом. Педагог просто принимает их как допущения на веру и действует на их основе.

Вот одно такое допущение: существование человеческой души — это реальность. Есть высший, тонкий, ментальный мир, МИР ДУХА. И это не просто религия в её традиционном понимании. Нильс Бор пришёл к заключению, что ряд фактов нельзя объяснить без допущения ИДЕИ БОГА. В.И. Вернадский был верующим, он верил в высшую силу, которая руководит нашей жизнью.

Я также допускаю Божественное начало. И с этой позиции я размышляю: КТО ЖЕ ЕСТЬ РЕБЁНОК? Его можно рассматривать как ученика, и тогда, конечно, целью школы становится обучение и воспитание... Или же надо смотреть глубже.

Попробую представить сущность ребёнка в форме треугольника. Его стороны: Явленность в нашей жизни, Миссия (для других и собственная) и Энергетика. Всё вместе составляет ДУХ.

Коменский и Сухомлинский, Песталоцци и Ушинский опирались на постулат ВЕРЫ — веры в Человека и Высший Абсолют. А мы подправляем классиков, будто они до нас не доросли. Они же видели иное. Они верили, что их миссия состоит в том, чтобы помочь каждому ребёнку осознать его собственную миссию, способствовать её становлению. Если представить себе ребёнка как воплощение ДУХА, в единстве Явленности, Миссии и Энергии, тогда перед нами встаёт другая цель его образования. Тогда встаёт и другой вопрос: КАКИМ ДОЛЖНО СТАТЬ ОБЩЕНИЕ С РЕБЁНКОМ? Чтобы все учителя поняли это, должно смениться поколение педагогов. Должно прийти новое поколение, которое может ОТКРЫТЬ МИССИЮ И ЭНЕРГИЮ РЕБЁНКА.

— **Значит ли это, что новое поколение педагогов и новая педагогика должны нести и новые культурные нормы?**

— Я думаю, что это как раз та основа, на которой мы можем развить культурные компоненты образования. Я начал издавека, но хочу приблизиться к пониманию аксиоматических основ педагогики. Пытаюсь разгадать природу ребёнка, его небесную субстанцию.

А какова его земная субстанция? Кто он такой? Какова природа ребёнка? Как сама природа проявляет себя в ребёнке, вернее, в его теле? Ребёнок же — частица природы, а точнее, тело, в которое вселяется какая-то высшая субстанция духа.

Природа в ребёнке проявляется, по-моему, в трёх основных ипостасях, главных движущих силах. Что это за три силы? Может быть, есть четвёртая, пятая — я пока не нахожу этих сил. А вот три силы — для меня это совершенно определённно. Их знает психология, но мало уделяет этому внимания. Часто в угоду одной силе в ребёнке ущемляются другие.

Какие же силы движут ребёнком? Первая “стихиальная” страсть — это страсть к развитию. Нет ребёнка, который бы не стремился к развитию. Он сам стремится к развитию.

Ребёнок сам ищет трудности, и развитие происходит путём их преодоления. Без трудностей развития не бывает. Смотрите, насколько это уникально: трудность сама закладывает в ребёнке эту страсть к преодолению её. Он создаёт трудности, чтобы преодолеть их. Ломает ли игрушку, лезет ли под кровать, конфликтует ли со взрослым — всё это связано с поиском трудностей. Взрослые боятся, чтобы он чего-нибудь не натворил, и поэтому отговаривают, отгоняют его от таких иногда опасных шагов. Но для него это — не опасность, это — поиск и строительство барьеров и их преодоление. Ибо мы приобретаем ту силу, которую преодолеваем. Это есть именно СТРАСТЬ к развитию. Затем эта стихия страсти погаснет.

— **А вообще-то не мешало бы, чтобы она не гасла, эта страсть.**

— Да, не мешало бы, но природа закладывает свой календарь в каждого из нас. У ребёнка — собственный календарь развития. Именно в определённые календарные сроки должны произойти те или иные события в развитии ребёнка. До трёхлетнего возраста завершается одна эпоха — это эпоха первоначальных впечатлений. Если эти впечатления бедны, то на ребёнке вечно будет след недостатка этих впечатлений, ибо другие впечатления — это уже другие впечатления. А вот то, что он должен был получить в этом именно возрасте, больше не получит.

Скажем, до девяти лет в ребёнке живёт функция речи, он может её свободно осваивать, если есть рядом жизненная среда и любящий человек, который несёт ему язык. Он свободно освоит любой язык. Но вот загадка — как двухлетний ребёнок осваивает речь, не зная никакой грамматики, и даже занимается словотворчеством. Между тем в девяти- или одиннадцатилетнем возрасте эта функция погаснет, и тогда ребёнку придётся зубрить язык с помощью других функций, не свойственных для занятий языком. Вот почему уже с пятого класса становится сложным обеспечивать освоение языков. И поэтому культурная жизнь для ребёнка тоже суживается, если он до этого не успел освоить язык, французский, скажем, немецкий, русский для грузина, — то затем придётся с огромным трудом осваивать эти языки, и это уже не те трудности, которые нужны его развитию. Эти трудности уже не воспринимаются как жизненно необходимые для ребёнка, ведь стадия развития этой функции прошла. Вот почему ребёнку уже неинтересно осваивать язык, мотивация слабеет. Даже первая улыбка — и та имеет календарную рамку: приходит срок, когда ребёнок должен впервые улыбнуться.

Понимаете, если мы не дадим ребёнку то, что нужно дать, и именно в определённые календарные сроки, тогда его культурная жизнь будет всё меньше, меньше и меньше, сузится и обеднеет. Иногда мне представляется, что ребёнок приходит в нашу жизнь богатейшим человеком, но мы ПРОПУСКАЕМ его через дошкольную систему воспитания, где все его действия ограничиваются и ограничиваются, где находятся и определяются условия для ЕГО развития. Вся семья занимается этим же, а школа тем более, здесь всё строится на

обучении, только учат и учат. Из школы человек выходит уже обанкротившимся. Он мог бы много больше, он же безграничен, у него сильнейшая Энергетика. Но постепенно, постепенно всё уходит.

Вот поэтому у горизонт жизни, и охват культурных ценностей становятся узкими. Прав был, конечно, великий Экзюпери, который говорил, что все мы родом из детства. Это — не психологический закон, а не фраза, произнесённая с пафосом: детство открывает страсть к развитию. Эту страсть, все её закономерности блестяще раскрыли Выготский и Узнадзе. И наша педагогика и психология освоили ТОЛЬКО ОДНУ эту грань. Отсюда и занковская, и давыдовская системы и другие. Эту одну грань они освоили и построили дидактику — одностороннюю обучающую систему. Эти системы нужны, ценны, но без охвата других граней они могут СУЗИТЬ ВОЗМОЖНУЮ КУЛЬТУРНУЮ ЖИЗНЬ РЕБЁНКА.

Вторая страсть ребёнка — страсть к взрослению. Назовите ребёнка, который не хочет быть более взрослым, чем он уже есть. Истинное детство для меня — это есть процесс взросления. Это не беспечная пора: делай, что хочешь, играй, во что хочешь — это не просто игра. А во что играют дети, вся жизнь ребёнка нам только и доказывает: он стремится быть более взрослым, чем он есть. И эта страсть тоже имеет свои законы, ибо необходимость взросления удовлетворяется в общении со взрослыми, а не со сверстниками. Если рядом не будет умного, мудрого взрослого, который умеет подать себя ребёнку, тогда тот будет искать удовлетворения этой страсти в другой среде, появится асоциальная среда, дурная компания чуть повзрослевших ребятшек, например, группа шести-, семи-, восьмиклассников, к которой тянется третьеклассник. Там курят, там может происходить всё что угодно, но там его принимают как взрослого, как своего. А в семье и школе ребёнка не принимают таким — в школе ты просто ученик, сиди и учись, других прав у тебя нет. В школе ему говорят, что он не живёт, он просто готовится к жизни. А ребёнку не хочется готовиться к жизни, он никогда не готовится к жизни, он просто живёт.

А третья страсть — это страсть к свободе. Сразу от рождения эта страсть проявляется в ребёнке: первые крики, первая свободная игра, а потом первые утверждения “Я сам!” — всё это и есть проявления именно этой страсти к свободе. Всё это заложено в ребёнке, он иначе не может, он заложник этих своих страстей, он их пленник. Но самое главное — он не хочет быть пленником, вот в чём суть!

Сделаем мысленно следующее: возьмём эти треугольники (только не думайте, что я сейчас строю какой-то знак, которому иногда приписывается магическая функция) и наложим их друг на друга. И мы получим СОЮЗ НЕБА И ЗЕМЛИ в ребёнке, качество духа и качество природы. В ребёнке он становится единым целым, и уже не разграничишь, где развивается дух и где тело, это — единое целое, что мы и называем личностью. Что же нам ещё нужно? Вот какой должна быть наша педагогика.

Общество создаёт общественные, культурные ценности, а в ребёнке заложены свои культурные устремления, иначе говоря, природа в нём хочет обрести человеческий вид. Она стремится в ребёнке стать человеком, достойным этого общества. Маленький ещё ребёнок даже должен опережать развитие, стать лучшим, чем существующее общество. То есть в каждом ребёнке изначально заложено устремление к окультуриванию самого себя. И стать взрослым, опережающим это общество человеком — это тоже заложено.

Педагогика — носитель культурных ценностей, причём не сама по себе педагогика, а вы и я, все мы вместе, учителя есть носители культурных ценностей. Какие качества мы будем раскрывать в ребёнке, и с какой силой, и на каком уровне, и до какой степени — от этого и будет зависеть культурная жизнь и деятельность в ребёнке. Приведу один пример. В ребёнке изначально заложены дар речи и речевая функция. Эта функция существует, он должен заговорить. И вот ребёнок оказывается в среде, где слышит хамские разговоры, недобрые, нечестные, где велика загрязнённость речевых потоков. Что же может произойти с функцией речи? Она готова воспринимать совершенно чистую речь, прозрачную, добрую, отзывчивую, но мы вливаем ей потоки нечистой, раздражённой, огрублённой речи. Это делает телевидение, ребёнок спит, но звук ведь, потоки воспринимаются не-

зависимо, минуя даже слуховое восприятие, прямо поднимаются в мозг ребёнка, прямо в функцию. А функция начнёт разбираться, разбираться, разбираться в течение 1,5–2 лет, до двухлетнего возраста, а потом вдруг выдаст речь, а речь уже будет загрязнена. Если функция исчерпает свои сроки развития, то человек останется со своей грубой речью на всю жизнь и эта грубая речь породит в нём ещё грубый характер. А вот окружите ребёнка добротой, чистотой, речью, которой утверждается уважение, любовь, высшие ценности, чтобы он купался в потоке этой речи. Вот в этой комнате, комната маленькая, мы все живём в ней: муж, жена, тёща, ребёнок и ещё другой ребёнок — живём в такой тесноте, но тем не менее в этой обстановке звучат слова, которые несут взаимность, понимание, любовь, уважение.

Я хочу быть носителем гуманной педагогики, во всяком случае одного из вариантов этой педагогики. Вот иногда, когда я пишу книги, я чувствую острую необходимость в понятиях. Понятийная база гуманной педагогики в полной мере пока не создана. То есть факт для меня существует, идея есть, но описательная база слабая. Физики знают это состояние, они часто имеют дело с такой реальностью, которая не поддаётся описанию, они просто указывают: вот об этом идёт речь. Но о чём? Сами догадайтесь. Возьмём такое понятие, как воспитание. В рамках гуманной педагогики оно требует совершенно иной трактовки, иначе невозможно описать её суть. Если воспитание для традиционной педагогики — это система мер, направленных к тому, чтобы привить какие-то нравственные качества или изжить какие-то качества в ребёнке, то для гуманной педагогики это понятие в таком содержании не принимается. Мы в своём понимании воспитания возвращаемся к изначальной сути этого понятия — “питание оси”, питание духовной оси.

Чтобы эта “духовная ось” питалась, нужна пища. Вот это и рождается с помощью образа. Отсюда и образование. То же происходит и со школой. Школа — это не учреждение, не здание. Я — Учитель — сам и есть Школа. Школа ассоциируется у меня с восхождением по этой скалистой лестнице, и я есть как бы носитель этой <СКАЛИ>.

Видите, все эти три понятия изначально были связаны и остаются связанными с духовностью. Мы же наслаивали на них, наслаивали наши лозунги, выхолащивали эти понятия и привносили свои материалистические представления, взгляды и в конце концов получили школу — учебно-воспитательное учреждение. Как это скучно! А если я не войду в эту школу со своим <СКАЛИ>, что будет со школой — будет ли это здание учебно-воспитательным учреждением, или станет скалистой лестницей образования ДУХА, МИССИИ РЕБЁНКА?

Поэтому для меня: где Учитель со своим Учеником, там и Школа. Где бы они ни были: в коридоре, на улице, по телефону разговаривают, если только учитель занят тем, чтобы помочь ребёнку подняться на следующую ступеньку этой <СКАЛИ>, чтобы помочь ему возвыситься на этой скалистой лестнице. Урок — это величайшее понятие. Сейчас ругают Коменского, видите ли, он придумал урок. Он не урок придумал, а просто открыл нам глаза на то, что Судьба человека проходит через свет, ибо ум означает свет. “Ура” мы кричим иногда, правда? Кричали во всяком случае когда-то, проходя на демонстрациях. “Ура”/Урок — это Свет, Высший Разум.

“Вначале было слово” — вот это и есть Слово, это Жизнь сама, несущая Свет людям. Это — Начало всех начал.

И вот я сейчас примеряю эти понятия, эти понимания к современному образованию. Представим учителя, культурного учителя, в котором все эти понятия так и остались в первозданном виде, и он так и продолжает думать о своих уроках, о своём общении с ребёнком только в связи с тем, какой материал использовать, что нарисовать на доске, что задать завтра детям на дом. Но может ли он просто так планировать эти уроки: вступительная часть, заключительная часть? Может ли он думать о том, какие вопросы задавать, какие ответы получать, как логично объяснять содержание материала, или он должен совершенно о другом — О СУДЬБАХ, О МИССИИ СВОИХ ДЕТЕЙ ДУМАТЬ?

— **А как вы в логике этого разговора относитесь к стандартам? Это же формальность?**

— Стандарты — это политическое явление. Когда-то, будучи депутатом Верховного Совета, я был одно время с советской стороны членом Европарламента, и приходилось не раз ездить в Страсбург для участия в работе Европарламента. И вот на одном из этих заседаний обсуждался вопрос об европейских стандартах образования. Это политика, ибо раз это интегрирующиеся государства, они открывают свои границы, вводят единое пространство, тогда нужно, чтобы образовательное пространство тоже было единое. Чтобы итальянец со своим дипломом или аттестатом образования мог быть свободен во Франции, Англии и других странах сообщества, то есть, чтобы он имел то базовое образование, которое имеют французы и т.д., и они рассматриваются на равных.

Ну, конечно, таланты и способности особого рода — тут никаких стандартов нет. Эта политика понятна, меня не возмущают сами стандарты, государство должно гарантировать детям какой-то минимум знаний. И если государство не гарантирует этого, если учитель не в состоянии дать ребёнку этот минимум, то он должен нести ответственность перед обществом и даже, может быть, перед судом.

— **Но получается, что в массовой школе очень часто учителя ограничиваются этим минимумом.**

— Это уже трагедия. Трагедия потому, что дети бывают разные, они на разных ступеньках <СКАЛИ> стоят, и поэтому стандарты должны быть разными. В школе сейчас упор на обучение, обучение проглотило воспитание. Выбросили из окна воспитание, и эта голая дидактика, голые уроки, конечно, становятся уже не уроками света и судьбы, а скучной формой организации учебного процесса. Ребёнок страдает от этих форм. Он не может не познать мир, и вдруг встречает недоверие. Не верят в то, что он хочет познать мир, и начинают насиловать. А его страсть свободного выбора, его страсть к свободе этого не терпит. Вы поймите, что ребёнок стремится к познанию мира, он рождён, чтобы познать мир, его миссия, его энергетическая база устремлены именно к этому, он же должен идти по лестнице вверх, по пути вечного восхождения. Не доверять ему в этом — означает строить вокруг него экологически нечистый педагогический процесс, каким и является авторитарно-педагогический процесс в школе. Это же загрязнённый, очень загрязнённый, отравляющий процесс!

— **Что вы имели в виду, когда говорили, что, развивая идеи педагогики сотрудничества, вы хотели выйти на педагогику творчества?**

— Понятие “сотворчество” не новое, так же, как и понятие сотрудничество. Это понятие — “сотрудничество” — особо ярко рассматривается Выготским. Когда он излагает свою концепцию о развитии ребёнка, о зонах актуального ближайшего развития, он тут же говорит, чтобы ребёнок перешёл в зону ближайшего развития, надо, чтобы он сотрудничал с учителем. И добавляет: при сотрудничестве ребёнок разрешает более сложные задачи интеллектуального и другого плана, чем при самостоятельной работе. Это мысль Выготского. Он много раз повторяет это понятие — “сотрудничество”. Это такое состояние, когда ребёнок сам помогает учителю, как бы говоря ему: “Я согласен с вами, с вашей педагогикой, с вашими мерами, со всем тем, что вы несёте для меня, согласно тому, что это удовлетворяет мои внутренние страсти: страсть к свободе, взрослению и т.д., — все они находят удовлетворение в этом пространстве. То есть я внутренне согласен, общаясь с вами, находиться в этом пространстве”. Вот это мы называем сотрудничеством. Это не то, что задаются вопросы и получаются ответы, нет. Согласие внутреннее, гласное или негласное, сознательное или несознательное, внутреннее согласие ребёнка подвергаться, быть подвергнутым резкому влиянию и быть участником этого влияния, то есть самому тоже усиливать влияние учителя по отношению к себе. Такое влияние — процесс. Это прекрасно делал Шаталов, это блестяще получилось у Ильина, литератора-ленинградца, получается ещё у учителей-новаторов, ограничиваться несколькими именами нельзя, у многих это

получается. И у меня тоже это получалось — содружество. Не надо было детям говорить: “Давай сотрудничать!” Просто несёшь такие задачи, с таким общением, с такими улыбками, с такой искренностью и с таким желанием удовлетворить внутренние страсти ребёнка, что ребёнок полностью охвачен мною, я вбираю его в себя в полной мере, с его жизнью, с его радостями, огорчениями, со всем — совсем вбираю, и он раскрывается передо мной. Облагораживается почва, которая питает ребёнка.

А что же может быть сотворчество тогда? Ведь сознание человека есть творческий процесс, это правда, строить по кирпичикам нельзя, ибо мы даже не знаем, какая миссия у ребёнка, какие задатки у него. Мы знаем глобально, что такие-то вещи должны быть у него. Наш постоянный поиск рождает в нас самих какие-то гипотезы, догадки, веру, надежду. Вера, надежда, гипотеза, догадка — всё это есть ключики творения человека, то есть я верю в ребёнка — значит, ищу, раз ищу — значит, нахожу. То, что ищет человек, он находит. Ну, конечно, человеческое надо искать в ребёнке, и это человеческое обязательно откроется в нём в большей или меньшей степени — обязательно. И если я буду искать в ребёнке талант — я найду этот талант, но если я не верю, что в нём есть этот талант, то, когда будет исчерпан календарный срок, талант погаснет, и как будто учитель окажется прав, видите — правда, и не было таланта у ребёнка. Но этот талант был, был!

— **Но тогда получается, что каждый учитель должен уметь чувствовать эту особую миссию, что далеко не всегда на самом деле происходит.**

— Вы задели такую глубокую проблему сейчас. Вся наша педагогика об учителе как будто печётся, но мы же до сих пор не поняли учителя. Кто он есть? В жизни государства, в жизни ребёнка, в жизни каждого из нас.

— **Вы говорите о таких глубочайших вещах, что у вас, по существу, все компоненты образовательного процесса должны начинаться с большой буквы. Урок — с большой буквы, Образование — с большой буквы, Дух — с большой буквы, а у нас массовая школа как бы штампует: дали методику, хорошая методика или плохая, они стараются штамповать, они не пропускают всё это через себя. И в учителя очень часто идут люди посредственные, нигде не получилось у них — легче всего начальственным голосом говорить с детьми. Идут вот такие учителя. Как же тогда помочь каждому педагогу найти свою миссию?**

— Ната Борисовна, мы не наивные люди, чтобы полагать, что можно создать такое общество учителей, в котором каждый член сообщества будет талантлив, в полной мере раскрытым от Бога.

— **Как Шаталов говорил: “Вы хоть одну статью написали?”**

— Ну, учителя разные. Я часто на семинарах прошу своих коллег: запишите имена любимых вами учителей, которые в какой-то степени сыграли роль в вашей судьбе и в вашей жизни, образы которых до сих пор сопровождают вас, запишите имена. Они, кстати говоря, надолго задумываются, держат ручки, думают, думают. Когда я спрашиваю, сколько имён Вы записали? — Одно, два, три, не больше имён. То есть в жизни самих учителей не находится более трёх людей, которые сыграли бы в ней особую роль.

И получается, что в жизни каждого человека хоть один учитель, но есть. И не надо, чтобы все были такими уникальными, не могут все такими быть, но в жизни человека должен быть один, два, три, ну если все учителя — это был бы блеск. Пусть лишь бы люди честно смогли выполнять свой долг перед ребёнком.

— **Но опять-таки один, два Учителя с большой буквы. То есть у вас получается Педагогика с большой буквы, вся Педагогика с большой буквы.**

— Просто подумайте, любая школа имеет несколько таких учителей высшей категории, не по аттестации, а в смысле творчества, в смысле интеллектуального и духовного уровня. Из ста, психологи обычно говорят, десять являются ведущими, из десяти — один. В каждом учительском коллективе один, ну пять человек такие ведущие. Если эти пять человек уйдут из этой школы — школа не будет славиться уже, постепенно погаснет слава этой школы, потому что учителя ушли, созвездие ушло. Но за этим есть такие святые для меня

слова: я посадил, а Христос поливал, но взрастил Бог. Вот суть учителя, откуда я хочу ввести: мы все работники у Бога, то есть, если я воспитываю ребёнка, это то же самое, что делал Бог, когда творил Адама и Еву. Это творение человека. А Бог это делает сейчас (я говорю Бог — можно назвать это высшим понятием) руками человеческими. То есть я тоже соучастник этого вечного творения.

— **И здесь нет технологии, здесь не могут быть переданы технологии, здесь только идёт от сердца всё, да?**

— Да. Кстати, вот это понятие — “технология” — неестественное понятие для гуманного мышления. Технология как бы расставляет всё по своим местам: сперва это, это, и как будто строит конвейер. Конвейер воспитания, конвейер образования и порядок учительской деятельности. Есть технология, а учитель пусть будет таким или сяким, раз он владеет технологией, то результат получится. Это какая-то внешняя структура моей деятельности. Вот это понятие неестественно для гуманного мышления. Конечно, самое высшее, что есть в человеке, это сердце. Мы можем создать, к примеру, дистанционное образование. Да, в стенах можно поставить телеэкраны и передавать уроки, передавать лекции, и пусть человек не уезжает никуда и обучается, воспитывается. Но всё равно, если рядом с ним не будет кто-то живой, сестра или брат, или мама, или папа, или сосед, или кто-то, из него человек не состоится. Сколько мне людей ни показывали на экране, каких бы людей ни показывали, какие бы лекции ни передавали, если потом, выключив телевизор, я не пообщаюсь с вами, не пообщаюсь с другим человеком, себе подобным, грош цена всему этому, из меня человек не выйдет. Человек рождается не только через восприятие, с помощью органов чувств, но в первую очередь, когда эти мои органы чувств выдают потоки взаимности, потоки любви, потоки утверждения, если этого во мне не произойдёт, я не буду развит как полноценный гражданин общества и как носитель своей миссии. Люди нужны друг другу, мы же друг от друга рождаемся. И поэтому, повторяю, учитель — это особенная миссия. В Новом завете сказано: “Не все будьте учителями”. Учитель должен или брать на себя ответственность со-работника у Бога, или же быть просто честным, добросовестным в выполнении, исполнении своего долга. Школа нуждается и в таких людях, и в одарённых учителях. Ибо мы прекрасно знаем: все пригодятся с талантами учительства: кто-то должен иметь талант делать деньги, кто-то должен иметь талант строить мосты, кто-то должен лечить людей. У людей разные способности, разные склонности, ибо миссия предопределяет, в какой сфере он сможет больше развить свою духовность. И получается, что некоторые люди пришли в школу, попали в школу, может быть, это и не миссия для них, но они нормально, хорошо служат, но зато прекрасно воспитывают своего ребёнка. И это миссия для них. Носитель своей миссии, вот если я работаю в сфере образования, я жду своей миссии, я могу и работаю и в других сферах тоже. Но там я уже не носитель своей миссии, там просто я участник общественной жизни. Всё это возможно. Сейчас много педагогов входит в нашу жизнь, разные варианты педагогической мысли, разные системы. Кто с Запада завозит эти системы, кто авторскую школу создаёт, соавторские программы рождаются, инновационные школы возникают. Это так и должно быть. Это есть поиск, творчество. Это всё отлично, но вместе с тем мы должны прийти к тому, что учитель есть носитель *скали*. “Скалы” — это латинское слово и означает духовное понятие подобно скалистой лестнице, по которой я восхожу к духовности. Наши духовные предки даже знали семнадцать или восемнадцать ступенек, которые надо было пройти человеку, чтобы дойти до высшего совершенства, быть совершенным, как совершенен Отец наш Небесный. Так, чтоб дойти до этой ступени, надо пройти в земной жизни семнадцать или восемнадцать ступенек. Тогда человеку не надо будет больше рождаться, он уже совершенен и приобретает иной мир. Это, так сказать, отступление, но по сути своей, если школу понимать как “СКАЛИ”, тогда учитель тоже как носитель скали должен подумать, какой же он есть в обществе. Он не просто член общества, он — надобщественное явление. И он тоже должен вынашивать в себе и гласные цели, то есть экзотерические, которые задаются обществом: дать ребёнку знание иностранного языка или менеджмента и т.д., но

он должен вынашивать в себе и свои, тайные, эзотерические цели, что он со-работник у Бога и творит духовность человека. Пора будет открыть ему свою миссию. А эту задачу общество нам сейчас не задаёт. Не может задать, потому что общество пока не настолько развито, чтобы дойти до такой задачи.

*Беседу вела **Ната КРЫЛОВА***